

Жанна Чернова**Гендерные исследования в России: миссия (не)выполнима?**

Жанна Чернова. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, кафедра социологии, ул. Союза печатников, 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия. chernova30@mail.ru.

Мне хочется начать со слов благодарности Марине Кашиной за ее критическую рецензию, послужившую толчком для дискуссии о состоянии гендерных исследований в России. Однако меня не оставляет некоторое ощущение дежавю, связанное с той проблематикой, которая обсуждается в тексте. Разделение на количественную и качественную методологию, противопоставление западной и российской социологии, попытки артикулировать «позитивную» программу отечественных гендерных исследований, указав на их миссию в академическом и общественном пространстве, выглядят не новыми и, на мой взгляд, малоперспективными направлениями для научной дискуссии.

Не буду углубляться в историю вопроса о том, как и почему с завидным постоянством противопоставляются количественные и качественные методы в отечественной социологии. У этого спора есть давняя традиция, разработанная аргументация pro et contra, свои сторонники и противники. Сохраняется ли до сих пор потребность в том, чтобы поднимать вопрос о типах, стратегиях и этапах социологического исследования и так детально это обсуждать, приближаясь к жанру методического пособия по курсу «Методология и методы социологического исследования»? Мне кажется, что нет. Большинство авторов и сами способны выбрать адекватный инструментарий для своих исследовательских задач. Опубликованы также различные издания русскоязычных авторов, где достаточно детально представлены методические и этические вопросы, связанные с организацией и проведением качественного социологического исследования (Ковалев и Штейнберг 1999; Полевая кухня 2004; Уйти, чтобы остаться 2009). Кроме того, редакторы рецензируемого сборника отчетливо обозначили общую для представленных работ методологическую рамку (с. 7). Так зачем же в который раз ломать копыта?

Для меня более интересным является вопрос о том, почему в отечественных гендерных исследованиях «общим местом» стало то, что выполнены они именно с применением качественной методологии. Ответов может быть множество. Да, действительно, именно «мягкими» исследовательскими методами можно лучше схватить и понять гендерно чувствительную проблематику, они более чувствительны. Кроме этого, можно предложить и прагматический аргумент, связанный с теми временными и финансовыми ресурсами, которыми обладает большинство исследователей. Однако и аргументация в пользу использования количественных методов также заслуживает внимания, хотя она совсем не проблематизируется в отечественном дискурсе. В частности, Нэнси Бернс, Кей Шлоцман и Сидни Верба утверждают, что использование количественной методологии в гендерных иссле-

дованиях (прежде всего с применением случайной выборки) позволяет каждому гражданину в равной степени высказать свое мнение и быть услышанным исследователем (Burns, Schlozman, and Verba 2001). Качественная методология предполагает субъективный подход ученого к выбору объекта исследования и респондентов, что лимитирует исследование изучением практик ограниченной социальной общности и затрудняет экстраполяцию выводов на другие группы.

Основной критический аргумент, сформулированный рецензентом, заключается в том, что авторы сборника не внесли вклад «в строительство столь необходимой нам сегодня теории гендерных отношений российского общества». Вообще, в тексте рецензии меня смутил императивный стиль утверждений автора о том, что должна делать феминистская наука, об обязательности построения мини- и макситеорий. Мне кажется, что подход, в соответствии с которым в России должна быть придумана отдельная гендерная теория (или любая другая социологическая теория), способен напрочь лишить ее (теорию) привлекательности для кого бы то ни было. Из исследовательской идеологии и инструментария, позволяющего сделать личное политическим, гендерные исследования могут превратиться в кондовую теорию «среднего масштаба». Лично мне этого бы не хотелось. Это не говорит о том, что вопрос качества исследований не должен подниматься и обсуждаться в профессиональном сообществе, но это сообщество не должно делиться по национальности и гражданству.

Тезис о разделении на западные и отечественные гендерные исследования кажется мне крайне непродуктивным. Действительно, в российской социологии не так много работ хорошего качества по обсуждаемой нами проблематике – то есть исследований выполненных на высоком профессиональном уровне, – результатом которых является «продуцирование нового знания в виде концепций, моделей и теорий» в терминах рецензента. Можно внутренне сопротивляться колониальному научному дискурсу и протестовать против гегемонии англосаксонской социологии, но, наверное, упрек в адрес авторов в недостатке ссылок на русскоязычную литературу является не самым лучшим выходом из сложившейся ситуации. Будет ли лучше смотреться текст с ритуальными ссылками на отечественных авторов, сделавших работу как бы в рамках гендерных исследований, понимаемых как изучение женских проблем женщинами? Вопрос отчасти риторический. Каждый автор принимает решение самостоятельно. На мой взгляд, плохие работы нужно читать, чтобы понимать, как делать не нужно, а ссылаться на них не стоит. Если только это не влечет за собой критическую рефлексию по поводу выбранной методологии, понятийного аппарата, выводов исследования.

Кроме того, акцентирование важности традиции отечественных гендерных исследований, которыми в России «занимаются, как минимум, двадцать лет», почему-то наводит на мысль о «квасном патриотизме». Оно также заставляет вспомнить дискуссию начала 2000-х годов о перспективах развития и институционализации гендерных исследований в России. Так, по-прежнему сохраняется (а в последнее время и усиливается) прямое или опосредованное дистанцирование отечественных гендерных исследований от феминистской теории, которая считается слишком экстремальной. Это привело к тому, что произошло превращение

гендерных исследований из критической социальной теории в аморфное предметное поле, лишённое всяческой идеологии познания. Например, Сергей Ушакин поднимал вопрос о том, «как так получилось, что категория (гендер – Ж.Ч.), потенциально способная если не подорвать, то в значительной степени изменить сложившиеся/сложенные представления о механизмах полового неравенства, при «переводе» на русский оказалась лишённой своего «революционизирующего запала», стала полезной категорией для научной карьеры?» (Ушакин 2000: 34–35). Елена Здравомыслова и Анна Темкина, анализируя специфику развития гендерных исследований в России, выделяли в качестве барьеров, препятствующих институционализации данной научной проблематики, социокультурные и когнитивные факторы. Социокультурные факторы напрямую связаны с широким распространением биологического детерминизма. Отечественный вариант либерального эссенциализма противостоит гендерному подходу, отождествляя феминизм с женоненавистничеством, личной депривированностью женщин-участниц женского движения, исследователей гендерной проблематики, политической ангажированностью и гомосексуальной ориентацией. Эти стереотипы определяют отрицательное отношение к феминистской теории, считая ее одной из причин кризиса семьи, демографического кризиса и других негативных процессов современного российского общества. Когнитивные барьеры напрямую связаны с нынешним состоянием российской науки, когда теоретическая ситуация характеризуется неопределенностью и «дискурсивной всеядностью», компенсирующей дискурсивный дефицит советского периода, при котором многие традиции, классические подходы были маргинализированы (Здравомыслова и Темкина 2000: 18). Проблемы эксклюзии и инклюзии сообщества гендерных исследований, которые обозначила Татьяна Барчунова (Барчунова 2000), спустя десять лет так и остаются актуальными для некоторых исследователей, а попытки преодоления анклавности гендерного сообщества путем включения в более широкий международный контекст вызывают критику.

Тезис рецензента о задачах, которые должны стоять перед публичной гендерной социологией, выглядит как заявка на определение траектории, по которой должны развиваться отечественные гендерные исследования. Тезисы Майкла Буравого «За публичную социологию», бесспорно, обладают большим эвристическим потенциалом и могут рассматриваться как программа к действию. Однако третий тезис, выдвинутый Буравым, заключается в том, что «публичная социология является частью более широкого разделения социологического труда, который также включает прикладную, профессиональную и критическую социологию» (Буравой 2008: 18). Так нужно ли сводить все многообразие разных типов социологии только к одной? Может быть, стоит мыслить социологию, как и гендерные исследования, и феминистскую теорию во множественном числе, оставляя разным исследователям право и возможность вносить свой вклад в изучение и понимание социальной реальности? В этой связи представленные в сборнике работы являются фрагментами «социальной мозаики», без которых социальный ландшафт выглядел бы тусклым и излишне схематичным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барчунова, Татьяна. 2000. Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей // *Преодоление. Материалы международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления»* / Науч. ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: СибНово-Центр. С. 216–226.
- Буравой, Майкл. 2008. За публичную социологию // *Общественная роль социологии* / Под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ. С. 8–51.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2000. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // *Хрестоматия феминистских текстов: переводы* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 5–29.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2001. Институционализация гендерных исследований в России // *Гендерный kaleйдоскоп. Курс лекций* / Под ред. Марины Малышевой. М.: Academia. С. 33–51.
- Ковалев, Евгений и Илья Штейнберг. 1999. *Качественные методы в полевых социологических исследованиях*. М.: Логос.
- Полевая кухня: как провести исследование*. 2004 / Под ред. Натальи Гончаровой. Ульяновск: Симбирская книга.
- Уйти, чтобы остаться: социолог в поле*. 2009 / Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. СПб.: Алетейя.
- Ушакин, Сергей. 2000. Gender (напрокат): полезная категория для научной карьеры // *Гендерная история: pro et contra* / Под ред. Марианны Муравьевой. СПб.: Нестор. С. 34–39.
- Burns, Nancy, Kay Lehman Schlozman, and Sydney Verba. 2001. *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality, and Political Participation*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.